

ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

УДК 371.15

УЧИТЕЛЬ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е.А. Цзян

Лесосибирский педагогический институт –
филиал ФГАОУ ВПО «Сибирский
федеральный университет»

anna52838@mail.ru

Статья посвящена анализу требований, предъявляемых к учителю и его подготовке в русском обществе второй половины XIX века.

Ключевые слова: учитель, требования к учителю, воспитатель элитной группы русского общества, высококвалифицированный преподаватель, государственный чиновник.

Предъявляемые к учителю и его подготовке требования на любом этапе исторического развития являются отражением того общества, в котором они выдвинуты и ценности которого они воспроизводят.

Выбор для исследования хронологического периода – вторая половина XIX века – обусловлен тем, что это время изменения социально-психологической, социально-культурной, политико-экономической обстановки, зарождения и развертывания общественно-педагогического движения, проведения правительственных реформ и контрреформ образовательной системы; время, когда четко обозначилась тенденция к типовому многообразию средних учебных заведений.

Рассматриваемый период характеризуется устойчивой государственной систе-

мой образования, наряду с которой существовали закрытые – женские институты, частные – гимназии, коммерческие училища и общественные заведения. Учителя государственных гимназий различались по ведомственной принадлежности учебных заведений (Министерства народного просвещения, военного ведомства, ведомства императрицы Марии), по типу гимназии (классическая, реальная, военная), по составу (женская, мужская), по преподаваемому предмету («классики», «естественники», отечественная словесность, приготовительный класс), по половому признаку (учитель, учительница).

Во второй половине XIX века характер учительского труда зависел от предъявляемых требований к учителю и к его профессиональной деятельности со стороны пра-

вительства, общественности в лице педагогических коллективов (директора, инспектора, учителей), родителей и учеников. Соответственно выделенным здесь типам отношений можно очертить круг источников, освещающих их:

- официальные документы, исходившие от государства: уставы гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения, законодательные, в том числе и ведомственные, распоряжения и постановления;

- периодическая и педагогическая печать, в которых представлены размышления о судьбе русской школы в периоды ее перелома (реформ и контрреформ) и «стабильности» гимназического образования;

- мемуарная литература, воссоздающая атмосферу времени, детали событий, быта, формирующая образ гимназического учителя таким, каким его запомнили гимназисты;

- педагогические сочинения, в которых представлены позиции педагогов по совершенствованию подготовки учителей гимназии; взгляд на учительский труд известных педагогов, методистов, учителей гимназий был изложен в учебниках по педагогике, психологии, истории педагогики, специально изданных для педагогических заведений¹;

- художественная литература, где средствами искусства изображаемая жизнь вос-

принимается наиболее зримо и чувственно.

Понимая особенности перечисленных источников, мы хотели бы в повторяемости описываемых явлений второй половины XIX века выделить требования, которые предъявлялись учителю гимназии.

Требования к учителю гимназии со стороны российского правительства были заложены в гимназических уставах (1864, 1871), распоряжениях, циркулярах Министерства народного просвещения, учебных планах и программах, которые создают представление о расстановке сил в правительственных кругах по вопросам развития гимназического образования.

Еще в Екатерининскую эпоху, когда создавалась сеть народных училищ, в руководстве для учителей раскрывалась сущность звания учителя, которое обязывало его «стараться сделать» из своих учеников полезных членов обществу. Для исполнения обязанностей учитель не должен был забывать об ответственности, которую он несет: перед богом, преподнося знания, которыми распространяются богопознание, богопочтение; перед правительством, которое определило его к должности учителя, чтобы «делать детей способными» к службе правительству и государству; перед родительством и государству; перед родителями, которые заплатили за то, «чему обучить должно» их детей; перед детьми, ибо учитель обязан отвечать за невежество и дурные поступки своих воспитанников; перед самим собой, выбрав педагогическое, а не любое другое поприще².

Учитель гимназии нес ответственность за воспитание юношества, поэтому прави-

¹ Буслаев Ф.И. Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка. – М.: Бр. Салаваевы, 1867; Диттес Ф. Очерк практической педагогики. Очерк для педагогических курсов и учительских семинарий. – СПб.: Столичная тип., 1900; Ельницкий К.В. Курс дидактики. Посobie для учебных заведений, в которых преподается педагогика// СПб.: Семья и школа, 1880; Каптерев П.Ф. Педагогическая психология для народных учителей, воспитательниц и воспитателей. – СПб.: Тип. А.М. Катомина, 1876.

² Руководство учителям первого и второго классов начальных училищ Российской Империи, изданное по Высочайшему повелению царствующей Имп. Екатерины II. – СПб.: Тип. Шнора, 1793. – С. 25.

тельственные циркуляры второй половины XIX века определяли круг людей, которые могли претендовать на учительскую должность. Главное требование – образованность, соотносимая с государственными потребностями. В 50-е годы XIX века, когда в гимназический курс был введено нововведение, для поступающих в университет или готовящихся себя к государственной службе потребовались преподаватели этой дисциплины. Эту должность кроме выпускников университетов могли занимать и «отличнейшие» казенные студенты Юридического института при университете св. Владимира в Киеве, которые были обязаны предварительно прослушать курс педагогики и в дальнейшем прослужить в учебном ведомстве не менее 6 лет.³

В 70-е годы XIX века Министерство народного просвещения решило «водворять в заведениях науку, здравую и основательную, и сделать все, что в его власти, чтобы заслужить доверие Монарха и страны»⁴. Под здравой и основательной наукой понималось обучение древним языкам, которые изучались в большом объеме (49 часов в неделю отводилось латинскому языку, греческому – 36 часов). «Нечего и говорить, – сказал Д. Толстой после ревизии одного из учебных заведений, – что в школе не может быть терпима политическая пропаганда..., в учебных заведениях я допускаю одну пропаганду – пропаганду учения, науки»⁵.

Решению этой вполне справедливой задачи во многом мешали два обстоя-

ства – недостаток учителей древних языков и неудачная попытка приглашения славян из-за границы. Известный педагог Н.Х. Вессель называл учителей-иностранцев «посредственностями», которые, «не вполне основательно зная древние языки, объяснялись по-русски таким образом, что возбуждали смех в учениках...»⁶. К 1873 году из Австрии было вызвано 100 филологов⁷, при этом русская гимназия получила далеко не лучшие кадры. Это были люди, отвергнутые и не сумевшие устроиться у себя на Родине. Однако для этой группы учителей требование к их образованности ограничивалось «удостоверением в знании ими русского языка настолько, чтобы они были в состоянии преподавать древний язык»⁸.

Представление об образованности учителя гимназии менялось на протяжении всего рассматриваемого периода, но при этом главными критериями оставалась широта и фундаментальность университетской подготовки. В начале XIX века, когда создавалась государственная система образования, были открыты педагогические институты при университетах, в которых будущие учителя гимназии приобретали теоретические знания («слушание предметов, “нужных для всех”») и знакомились с методикой преподавания предмета, который «соответствовал особым наклонностям студентов».

В 1863 году был принят новый университетский Устав. В структуре педагогического образования шел непрерывный поиск эффективной организационной фор-

³ Журнал Министерства народного просвещения. – 1850. – Ч. 66. – № 4. – Отд. 1. Высочайшие повеления.

⁴ Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874. – № 87.

⁵ Речи и статьи гр. Д.А. Толстого. – СПб., 1876. – С. 8.

⁶ Вессель Н.Х. Учебный курс гимназий. – СПб., 1866. – С. 21.

⁷ Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874. – № 420.

⁸ Сборник постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1883. – № 212.

мы подготовки учителя для средней школы: при университетах были организованы педагогические курсы (1860), позже открылись историко-филологические институты в Нежине (1820)⁹ и Петербурге (1867).

В 1860 году при всех российских университетах были открыты педагогические курсы с целью «приготовления достойных учителей и воспитателей для средних учебных заведений как Министерства народного просвещения, так и других Министерств и Управлений»¹⁰. В официальном замысле педагогических курсов был продуман круг абитуриентов, содержание их подготовки, срок обучения, а также их дальнейшее распределение. Кандидаты, окончившие педагогические курсы «сообразно степени научных познаний и педагогического достоинства», делились на два разряда. К первому относились выпускники, показавшие удовлетворительные успехи по всем видам испытаний. Они получали место преподавателя или воспитателя в среднем учебном заведении. Во второй разряд входили кандидаты, показавшие удовлетворительные успехи в преподавании избранных ими предметов. Они определялись на места учителей уездных училищ, но имели право занять место учителя гимназии, выдержав специально установленное испытание. «Отличнейшие» кандидаты-педагоги име-

ли право на занятие должностей адъюнктов и доцентов университетов (с соблюдением установленных для этого правил) или посылались за счет правительства за границу для дальнейшего «усовершенствования в науках и педагогике».

Воспользуемся мемуарными зарисовками Е.В. Белявского, который по окончании Московского университета (1861) «без всякого спроса о ... желании как казеннокоштный»¹¹ студент был назначен на «Педагогические курсы» при Московском университете»¹². Он посещал уроки учителей-руководителей (Ф.И. Буслаев, Н.С. Тихонравов). Руководство со стороны Ф.И. Буслаева заключалось в посещении кандидатами-педагогами его «четвергов», где читали и списывали древние рукописи, рассматривали древние рисунки, старинные гравюры, обсуждали общественные, научные и педагогические вопросы, касающиеся современной литературы. Посещение «четвергов», по мнению Белявского, давало много интересного, «но прямого отношения к педагогическим курсам эти вечера, конечно, не имели»¹³. Оценивая лекции по педагогике, которые посещал Белявский, он отмечал, что «эти лекции, состоявшиеся собственно в чтении логики и психологии и применении этих наук к педагогике, мне так не понравились своей бессодержательностью, доказательствами того, что всякому здравомыслящему человеку хорошо известно без всяких лекций...»¹⁴. Профессор Петербургского университета А.В. Никитен-

⁹ В 1820 году в Нежине по инициативе и на деньги кн. Безбородова была создана гимназия «высших наук», соединявшая предметы обучения по программе среднего и высшего образования университетского типа. В 1832 году она была преобразована в лицей со словесным и физико-математическим факультетами. В 1840-м – юридический лицей, в 1872-м – историко-филологический институт. См.: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 143, 206, 268, 506.

¹⁰ Положение о педагогических курсах при русских университетах. – М., 1960. – С. 2.

¹¹ Казеннокоштный студент – содержащийся и обучаемый на казенный кошт. Своекоштный студент – студент, находящийся на собственном содержании.

¹² Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902. – М.: Ред. ж. «Вестник воспитания», 1905. – С. 7.

¹³ Там же. – С. 8.

¹⁴ Там же. – С. 9.

ко в своем дневнике (1864) писал: «Хотя теперь по Петербургскому округу существует около 20 человек, готовящихся к учительскому званию, но никто ими не занимается. Руководители их – университетские профессора... даже в глаза не видели никого из этих молодых людей, а те, ничем не занятые, находят для себя приятным эту милую праздность на иждивении правительства»¹⁵. В итоге педагогические курсы оказались закрыты.

Ликвидация педагогических курсов привела к тому, что Министерство народного просвещения осталось без специальных педагогических учебных заведений. Фактически учителями гимназий назначались лица, окончившие университет и не получившие никакой педагогической подготовки. Установленное для них (1868) официальное испытание, имевшее целью проверить их педагогическую пригодность, носило формальный характер. Об этом свидетельствует рассказ профессора Московского университета А.И. Кирпичникова: «Я подал заявление, и через два дня “формальность” была соблюдена: в экстренном и крайне не полном заседании Совета после урока я подвергся нетрудному испытанию: минут 10 я по назначению (тема мне была указана за день) с четверть часа проговорил о Перикле»¹⁶. На следующий день директор гимназии, в которой проходили испытания, представил учащимся 5-го класса А.И. Кирпичникова как учителя истории.

Одним из требований, предъявляемых к учителю гимназии, выделена его религиоз-

ность, направленная на обеспечение устойчивости нравственных основ воспитательного воздействия. Эта позиция была отражена в официальных документах, касающихся определения круга людей, которые могли претендовать на учительскую должность в русские гимназии исследуемого периода. В частности, высочайшим повелением Императора Александра II (1867)¹⁷ попечителям учебных округов предоставлялось право принимать на учительские должности кандидатов и магистров духовных академий. Эти учителя преподавали русский язык и отечественную словесность, древние языки и историю, но при условии, если выдержат установленное испытание на звание учителя гимназии. С другой стороны, распоряжение было направлено на решение проблемы педагогических кадров, так как Главный педагогический институт, выпускавший учителей названных специальностей, был закрыт (1858), педагогические курсы, просуществовавшие короткое время (1860–1867), подготовили незначительное число учителей, а историко-филологические институты только приступили к подготовке учителей гимназии.

Обострение политической и социально-психологической ситуации во второй половине XIX века вызвало необходимость постановки вопроса о политической благонадежности учителя гимназии. К примеру, попечитель Московского учебного округа обратился в департамент Министерства народного просвещения с просьбой не допускать в учебные заведения подчиненного ему округа к преподавательской деятельности лиц, которые участвовали в заговоре с целью ниспровержения «существующего

¹⁵ Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был: Записки и дневники. – Т. 1–3. 1826–1877. – СПб., 1893. – С. 142.

¹⁶ Кирпичников А.И. К вопросу о подготовке учителей (Из личных воспоминаний) // Русская школа. – 1899. – № 2. – С. 9–60.

¹⁷ ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, т. 2, л. 3100. – Л. 1–2.

порядка управления в России»¹⁸. В документах, хранящихся в Центральном историческом архиве г. Москвы, встречаются записи обязательств учителей не заниматься политической деятельностью. Учитель древнего языка Сергиево-Посадской мужской гимназии П.М. Успенский, поступая на службу, подписал заявление: «Я, нижеподписавшийся, не принадлежу ни к каким масонским и другим тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, и что впредь к оным принадлежать не буду»¹⁹. В характеристиках учителей упоминается их участие в политической деятельности: «... прибегал к разным посторонним занятиям (к изданию газет, чтению публичных лекций), причинившим ущерб его педагогической деятельности»²⁰.

На основе анализа законодательных и нормативных документов, контролирующих деятельность учителя гимназии, в числе требований, предъявляемых к учителю, нами выделена управляемость. В фондах канцелярии попечителя Московского учебного округа²¹ хранятся отчеты учителей гимназии г. Москвы, в которых фиксировались сведения об учащемся классе, в котором работал учитель, его мнение о своей педагогической деятельности, включая описание используемых в процессе преподавания методов, приемов, средств, форм обучения, анализ отношений, складывающихся между учителем и учениками, учителем и родителями. Отчеты, с одной стороны, бюрократизировали учительский труд, с другой – содействовали развитию умений учителя анализировать педагогическую де-

ятельность, осмысливать отношения, складывающиеся с учащимися.

Контролирующую функцию выполняло министерское распоряжение (1886)²², согласно которому администрация была обязана представлять в Департамент Министерства народного просвещения, а затем публиковать в циркулярах, издаваемых в учебном округе, ведомости о пропущенных преподавателями уроков с указанием причин этих пропусков. Распоряжение показывало выход из ситуации в случае отсутствия учителя на работе: уроки заменяли письменными работами, либо директор, инспектор, классный наставник или его помощник проводили урок по своему предмету, либо «распускали учащихся по домам». Основной причиной, по которой учителя чаще всего пропускали уроки, в представленных попечителю учебного округа рапортах директора гимназии указывали болезнь преподавателя. По этой причине учитель 6-й Московской гимназии Шереметьевский из 135 уроков (1873) пропустил 123 урока²³. Другие причины – семейные обстоятельства, участие учителей в заседаниях суда в качестве присяжных заседателей. В изученных отчетах часто встречаются количественные показатели манкировок (пропусков) учителей, но умалчиваются истинные причины иногда огромного количества пропущенных уроков.

Управление учителем гимназии, на наш взгляд, осуществлялось и посредством введения единой форменной одежды для всех гражданских чинов Министерства народно-

¹⁸ ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, т. 2, л. 3356. – Л. 120–121.

¹⁹ ЦИАМ, ф. 682, оп. 1, л. 20. – Л. 3.

²⁰ ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, т. 2, л. 3784. – Л. 41.

²¹ ЦИАМ, ф. 459, ед. хр. 90884, 1803–1917.

²² Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – С. 406–407.

²³ ЦИАМ, ф. 459, оп. 3, л. 2499. – Л. 2.

го просвещения. В специальных правилах²⁴, Высочайше утвержденных в 1896 году, приводилось подробное описание всех видов форменной одежды, оговаривались условия ее ношения. Форма была показателем принадлежности чиновника Министерства народного просвещения к определенному рангу и классному чину. Директор и инспектор гимназии имели право ношения парадной и праздничной формы в виде однобортного, шитого золотом полукафтана темно-синего сукна со шпагой гражданского образца и треугольной шляпой. У учителей форма состояла из открытого двубортного (застегнутого на 4 пуговицы) темно-синего сюртука с отложным воротником, темно-синих брюк, белого жилета, треугольной шляпы, шпаги гражданского образца²⁵, черного шелкового узкого галстука²⁶, завязывающегося спереди малым бантом, белых замшевых перчаток. Преподавательницы и воспитательницы женских гимназий и прогимназий при исполнении своих обязанностей должны были носить платья синего цвета²⁷.

Ряд циркуляров, выполняющих функцию контроля, был направлен на регламентацию некоторых видов деятельности учителя гимназии. С целью «надлежащего ру-

²⁴ Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Сенатская тип., 1905. – 12 с.

²⁵ При ношении двубортного сюртука – как суконного, так и летнего – на улице и в общественных местах полагалось быть при шпаге. При обычных служебных занятиях разрешалось быть без нее.

²⁶ Ношение белого галстука при двубортном сюртуке ни в коем случае не допускалось.

²⁷ Кузьменко Д.П. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг. – Смоленск: Тип. П.А. Силна, 1904. – С. 88.

ководства и для избежания всяких недоразумений» признавалось «не излишним» дать указания учителям, в каких случаях знания учащихся оценивать отметками «5», «4», «3», «2», «1». Отметка «4», служащая «оттенком «5», являлась показателем того, что знания основательные, «но, за недостатком должного прилежания или внимания, не всегда применяемые надлежащим образом в устных ответах и письменных работах»²⁸. Циркуляры (70-е годы XIX в.) созвучны секретному руководству, изданному для попечителей учебных округов (1848), в котором им при инспекциях учебных заведений рекомендовалось обращать внимание на дух преподавания, поведение и «образ мыслей студентов и воспитанников гимназий, а также на благонадежность наставников и воспитателей».

Требования к учителю были заложены в объяснительных записках учебных программ. От учителя русской словесности требовалось объяснение общих грамматических понятий, законов, правил, присущих всем языкам. Методами преподавания в подготовительном классе являются чтение, пересказ прочитанного, «писание», умственные упражнения, диктовка; во втором классе – объяснительное чтение, заучивание наизусть, устный рассказ, грамматический разбор, диктант, сопоставление примеров. Преподавать древние языки необходимо было методическим ходом «без торопливости и скачков».

Учитель гимназии до 70-х годов XIX века составлял учебные программы и руководства по предмету в рамках учебного плана, утвержденного Министерством народного просвещения. Самостоятельное

²⁸ Андриянов А.Ф. Воспоминания старого педагога // Русская старина. – 1911. – Т. 1. – С. 145.

составление учебных программ способствовало творческому поиску содержательного наполнения преподаваемой дисциплины и отбору оптимальной методики обучения. После реформы 1871 года учитель гимназии лишался такой возможности, так как вводились единые программы с точным распределением материала по классам и годам обучения, единые правила проведения всех видов испытаний. В «Объяснительной записке к программам по предметам гимназий Министерства народного просвещения» записано: «Преподавателям предоставляется свобода следовать собственным воззрениям, соображаясь с общими началами дидактики и с теми указаниями, которые предложены Министерством для руководства»²⁹.

В «Кратких указаниях для готовящихся к преподавательской деятельности», составленных в Управлении Рижским учебным округом, внимание учительских кандидатов акцентировалось на требованиях, которым они должны были соответствовать как учителя гимназии. По личностным качествам преподаватель предполагался религиозно-нравственным человеком, «образцом» для учащихся «во всех отношениях», патриотом, истинным и преданным «сыном своего Отечества». Образованность учителя не должна была сводиться к знанию только своего предмета, а научные его познания должны были быть гораздо шире, чем требовал этого преподаваемый им предмет. Учителю необходимо было постоянно заниматься о «пополнении своих познаний», расширении кругозора, совершенствовании методики преподавания через изу-

чение методической литературы, «иначе вследствие постоянного повторения одного и того же, заключенного притом в тесные рамки учебного материала, учитель может обратиться в учащую машину»³⁰. Преподавателю необходимо было знакомство с принципами, закономерностями и историческим развитием теории обучения и воспитания, а для поиска разумных методов и приемов обучения юношества требовалось знание дидактики и методики.

В публикациях на страницах периодической печати, освещающих «духовные и физические свойства» человека, который посвящает себя учительской деятельности, на первый план выдвигались требования к профессиональной деятельности преподавателя: быть научно-образованным человеком, имеющим способность «научным образом воспринимать и воспроизводить знания», обладать вкусом, т. е. «чувствовать, что к стати и что не к стати», иметь поэтическое образование и постоянно развивать в себе литературный вкус. Нравственные качества учителя должны были определяться обязанностью – служить на пользу юношеству и благу Отечества. Поэтому ему должно было быть присуще истинно-христианское терпение в отношениях с учащимися: меньше всего учитель должен был преследовать свои личные выгоды, а высшим его интересом должна была быть школа; жить он должен был скромно, уединенно или семейной жизнью. О «физических свойствах» лица, посвящавшего себя учительской деятельности, замечалось: «Не должен принимать на себя обязанности преподавателя тот, кто имеет

²⁹ Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – С. 164.

³⁰ Краткие указания для готовящихся к преподавательской деятельности. Сост. членами Испыт. комиссии при Управлении Рижским учебным округом. – Вып. 1. – Казань: Типо-лит. Имп. Университета, 1896. – С. 27.

физические недостатки, существенно вредящие делу преподавания»³¹.

Важное место в системе требований, предъявляемых к гимназическим преподавателям, занимали те обязанности, которые исполнял учитель. Учителя мужских гимназий выполняли функции классных наставников, главной особенностью которых являлось «попечение об успехах и нравственности учеников вверенного каждому из них класса»³². Классный наставник следил за посещением уроков подопечных, своевременным их приходом в классы, руководил выбором книг для домашнего чтения, наблюдал за тем, чтобы «различного рода» посторонние занятия учеников не мешали «успешному ходу их учения», присутствовал на переводных испытаниях «в видах доставления необходимых сведений» об ученике.

Требования к воспитательницам женских гимназий отражали проблему образования и воспитания девушек в конце XIX века, заключающуюся в отстранении их от реальной жизни, к которой они активно стремились. Характеризуя гимназисток 80-х годов XIX века, учитель одной из губернских гимназий писал: «Гимназистки зашагали в направлении, противоположном институтскому, приобретая излишнюю развязность, резкость, часто ухарство, столь несвойственные их полу; кое-где между ними стали появляться стриженные, в очках, протестующие, нигилистки, самоубийцы»³³.

³¹ Стулли Ф.С. Полвека тому назад. (Из воспоминаний Ф.С. Стулли). – СПб., 1900. – С. 2.

³² Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – С. 36.

³³ Родевич М.В. Единица. (Из воспоминаний учителя) // Нива. – 1891. – № 50. – С. 1099.

Женские гимназии, выпускавшие домашних учительниц и наставниц, создавали условия для выработки качеств, которым выпускницы должны были соответствовать в учительской деятельности. Классным дамам и воспитательницам вменялось строго следить за тем, чтобы их подопечные не посещали балы и танцевальные вечера в клубах, заседания окружных судов, где рассматривались случаи весьма безнравственной жизни. Всему учебно-воспитательному персоналу запрещалось давать ученицам частные поручения, например, отнести кому-нибудь записку, занести зонтик, книгу; делать резкие, а иногда и «дерзкие» выговоры и замечания ученицам. «Если воспитывающие не будут себя сдерживать, то у кого же учиться воспитываемым сдержанности»³⁴, – записано в распоряжении по женским гимназиям.

Анализ официальных источников позволяет выделить группы требований, предъявляемых к учителю гимназии со стороны Российского правительства во второй половине XIX века: а) к учителю как воспитателю элитной группы русского общества детей дворян и чиновников, которых готовили к поступлению в университет. Этим объясняется то, что в министерских распоряжениях акцентируется внимание на личностных качествах учителя, его образованности, религиозности и преданности престолу, т. е. учитель – создатель элиты для будущего общества; б) к учителю как высококвалифицированному преподавателю, осуществляющему процесс образования; в) к учителю как государственно-

³⁴ Родевич М.В. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. А-ра М.А. Хана, 1884. – С. 192.

му чиновнику, который исправно исполняет профессиональные обязанности. В разделе гимназических уставов, посвященном преподавателям гимназии, оговаривались условия приема на службу, продвижения по служебной лестнице, оплата труда. Нормативные документы разного периода ограничивали или расширяли круг людей, которые могли занять учительскую должность в гимназии.

Публикации, раскрывающие спектр требований, которым, по мнению общественности (включая родителей и учителей), должен соответствовать учитель русской гимназии, представлены в журналах: «Русский педагогический вестник», «Педагогический сборник», «Русская школа», «Гимназия», «Образование», «Педагогический еженедельник», «Журнал для воспитания», «Отечественные записки», «Вестник Европы» и других, издававшихся во второй половине XIX века.

Рассуждая о школе как воспитательном учреждении, в отдельных публикациях отмечалось, что школа, семья и общество «едва ли не три враждебных лагеря». Семья жалуется на школу, обвиняет воспитателей, критикует их деятельность, относится к ним с недоверием, видит в них не доброжелателей, а врагов, «и за каждую дурную отметку, за каждое требование дисциплины поносит учителей и оправдывает учеников»³⁵. В свою очередь, школа жалуется на родителей, которые не всегда внимательно и требовательно относятся к своим детям, а общество «требовательно к школе и до крайности снисходительно к воспитывающемуся в ней юношеству»³⁶. Выход из сложно-

го «лабиринта» взаимоотношений должен был найти учитель, используя все воспитательные средства, в том числе содержание изучаемого предмета, «способ преподавания», свои личностные качества.

Вторая половина XIX века – период, когда размывается сословность, появляются родители, относящиеся к городскому сословию, мещанству и нарождающейся буржуазии. Родители писали об отношениях учителя и ученика и по формальным признакам учебного процесса. Учителей обвиняли в несправедливости при выставлении отметок, чрезмерном «манипулировании» ими, бездушных наказаниях (карцер, розги, лишение отпуска), глубоко травмирующих психику ребенка. Прослеживалась мысль о том, что неудовлетворительные отметки – показатель неумелого преподавания, которое выразилось в апатии гимназистов к учебному заведению, отсутствию интереса к учению, внимания и уважения к личности преподавателя, а иногда в страхе перед учителем.

Следующая группа требований, предъявляемых к учителю, была связана с дисциплиной учащихся гимназий. Для сохранения дисциплины в классе учителям рекомендовалось использовать личный пример, совершенствование методики преподавания, умелое применение системы поощрения и наказания, приучение учащихся к «исполнению дисциплины». Для сохранения внешней дисциплины от учителя требовались пунктуальность, разумное распределение времени на уроке, добросовестное «употребление» времени; для выработки внутренней дисциплины: воспитание детей в богопочитании, приучение их к внимательности, послушанию, тишине, прилежанию, приличию, чистоте и миролюбию.

³⁵ Виноградов И. Школа как воспитательное учреждение // Гимназия. – 1888. – № 1–12. – С. 581.

³⁶ Там же. – С. 581.

В публикациях о физическом состоянии гимназистов встречаем обращения общественности о чрезмерных «обременениях» учащихся домашними работами. В провинциальной гимназии учащимся 7 класса на праздник Св. Пасхи были заданы 62 математические задачи; учитель физики другой гимназии учащимся 5 класса на Рождественский праздник дал 52 задачи; в Екатеринбурге во всех гимназиях были отменены 5-минутные перерывы.³⁷ Причиной переутомляемости учащихся называли неправильное распределение учебного времени гимназистов. Требовали внесения изменений в режим дня учащихся, разнообразие форм (экскурсии, коллекционирование, чтение интересной литературы) и методов обучения (применение наглядности, самостоятельная работа учащихся, постановка опытов, работа на местности).

Большинство авторов публикаций от учителей требовали четкой организации учебно-воспитательного процесса, отработки его технологических моментов: а) технологии организации урока, его внутреннего построения и наполнения: разнообразия методов обучения (применение наглядности, коллекционирование, самостоятельная работа, чтение занимательной и познавательной литературы, постановка опытов и др.); разнообразия форм организации урока (экскурсии, лабораторные и практические работы, работа на местности и др.); «разумного» распределения учебного времени на уроке; отбора содержания учебного курса; «организации» дисциплины на уроке, приучения учащихся к «исполнению» дисциплины; б) технологии исполь-

зования арсенала воспитательных средств и методов на уроке: поощрение, наказание, пример, отметки, личностные качества учителя и др.; в) технологии установления взаимоотношений между учителем и отдельным гимназистом, коллегами и целым классом.

Привлечение мемуарной литературы, на наш взгляд, расширяет представление о требованиях, которые были предъявлены к учителю в исследуемый нами период. Об учителях русских классических гимназий опубликовано немало теплых воспоминаний. Доброта, внимание и уважение к личности гимназиста отмечались в мемуарах П.Н. Полевого: «Мы ясно видели, что этот преподаватель смотрит на нас не как на сплошную массу, не как на стадо, не как на материал для педагогических опытов: мы понимали, что в каждом из нас он видит человека с определенной нравственной физиономией, с определенным запасом сил и способностей; и каждому из нас в одинаковой степени старается помочь в достижении определенного уровня сведений»³⁸. В школьных воспоминаниях прозаика и журналиста В.Г. Авсеенко читаем: «Преподаватели были разные, молодые и старые, годные и негодные; но все они гуманные»³⁹.

Увлеченность учителя преподаваемым предметом и его преданность науке прослеживаются во многих отрывках из школьных воспоминаний. «...Чем невежественнее и грубее был общий состав педагогической корпорации, тем ярче выделялись на общем мрачном фоне отдельные личности, остав-

³⁷ К вопросу об обременении непосильными работами учащихся средних школ // Педагогическая хроника. Прилож. к ж. «Семья и школа». – 1879. – № 10. – С. 211.

³⁸ Полевой П.Н. Два педагога: Из школьных воспоминаний // Исторический вестник. – 1892. – Т. 50. № 12. – С. 677.

³⁹ Авсеенко В.Г. Школьные годы: Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. – 1881. – № 4. – С. 712.

ляющие глубокий след в памяти молодежи. Они внушали своим питомцам то глубокое уважение и почтение к науке, университету, которыми были проникнуты студенты 50–70-х годов», – вспоминал о своих учителях А. Клоссовский⁴⁰. Драматург, театровед, врач Е.М. Беспятов, отдавая дань своему учителю А.А. Цветкову, писал: «Он знал и любил родную речь, родную литературу. Он так ревниво оберегал чистоту русского языка, что мы все, его ученики, с самых ранних лет привыкли чтить дивные красоты и музыку русской литературы»⁴¹.

В мемуарах о дореволюционной школе гораздо привлекательнее описаны частные средние школы: мужская гимназия Л.И. Поливанова, К.И. Мая, женская гимназия С.А. Арсеньевой в Москве, В.Я. Стоюнина в Петербурге, «Новая школа» А.С. Трачевского в Одессе. Так, в книге А.И. Цветаевой «Воспоминания» находим описание гимназии В.В. Потоцкой, в которой преподавали «образованные люди», способные вызвать и поддержать интерес к учению. «Мы любим наших учителей. Учителя относились к нам, как к равным»⁴², – писала А.И. Цветаева.

Е.В. Белявский в «Педагогических воспоминаниях. 1861–1902» рассказывает о взаимоотношениях с коллегами 1-й Московской гимназии, в которой он работал по окончании Московского университета. Автор выделяет личностные и профессиональные качества коллег, привлечшие его внимание. Мы встречаем «добродушного

немца» Ф.Э. Будде; «знатока своего дела» учителя географии Ф.Ф. Миллера, издавшего несколько географических карт и отлично рисовавшего карты на доске; учителя математики Д.Ф. Назарова, который отличался «тонким, оригинальным, интересным умом и неистощимой изобретательностью во всяких предприятиях»⁴³.

Будучи инспектором Херсонской мужской гимназии в 1866–1868 годах, П.Н. Полевой, автор воспоминаний «Мои педагогические разочарования», старался сгладить существовавшую разобщенность в учительской среде. Он замечал, что учительский персонал подведомственной ему гимназии распался на несколько «резко определенных партий, которые не сходились между собой и вели непрерывную, хотя не всегда явную борьбу»⁴⁴. В первую группу входили поляки, которые «держались особняком и вели себя чрезвычайно надменно и самостоятельно». Вторую группу, русскую, составляли преподаватели «старого закала» и молодые преподаватели, принимавшие живое участие в решении педагогических вопросов и «не слишком склонные потакать чиновничьему формализму». Последняя группа была ядром педагогического персонала гимназии. За спиной группы стояли 2–3 человека, «представляющих ту безличную, бесхарактерную посредственность, которая отличалась внешней деловитостью и суетливым исполнением обязанностей, а в педагогическом совете гимназии никогда не реша-

⁴⁰ Клоссовский А. Материалы к вопросу о постановке среднего образования в России. – Одесса: Экономич. тип., 1904. – С. 13.

⁴¹ Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф.Ф. Фидлер. – М., 1911. – С. 232.

⁴² Цветаева А.И. Воспоминания. – 3-е изд., доп. – М.: Сов. писатель, 1983. – С. 270.

⁴³ Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902. – М.: Ред. ж. «Вестник воспитания», 1905. – С. 51–54.

⁴⁴ Полевой П.Н. Мои педагогические разочарования (1866–1868). (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. – 1898. – Т. 74. – № 10. – С. 617–629.

лась противоречить директору и непременно подавала голос с ним заодно»⁴⁵.

О гимназических учителях есть художественные произведения. Через систему отношений гимназистов и их учителей в повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты» автор передает психологическую атмосферу гимназической жизни, в которой находились главные герои Тема Карташев и его друзья, учащиеся старших классов. Н.Г. Гарин-Михайловский воссоздает образы учителей гимназии. В облике преподавателя латинского языка Хлопова мы видим деспотичного учителя, который не пользовался симпатией и в среде учителей: «... кто из учеников заглядывал во время рекреаций в щелку учительской, всегда видел его одиноко бегающим из угла в угол, с красным возбужденным лицом, с видом обиженного человека...»⁴⁶. Доброжелательностью и вниманием к детям Тему и его друзей привлекал учитель Томилин. Таков у Гарина-Михайловского и учитель истории Л.Н. Шатров: молодой, одухотворенный, образованный человек, который «... очень любил свой предмет. Любя, он заставлял и соприкасавшихся с ним любить то, что любил сам»⁴⁷.

В рассказах А.П. Чехова учитель гимназии рассматривается через призму отношения учителя к своей преподавательской деятельности. Для Беликова, учителя греческого языка («Человек в футляре»), были «ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь»; для учителя географии и истории Ишполита Ишполитовича («Учитель словесности») «самым нужным и самым важным» считалось по географии – черчение карт, а по

истории – знание хронологии. Ученики учителя словесности Никитина («Учитель словесности»), «каждый день ждавшие отпуска перед экзаменами, ничего не делали, томилась, шалили от скуки. Никитин тоже томился, не замечая шалостей, и то и дело подходил к окну»⁴⁸.

Характер учительского труда во многом зависел от требований, предъявляемых к учителю и его подготовке со стороны правительства, педагогической общественности, родителей и учеников. Обобщение этих оценок позволило обозначить группы требований, которым должен был соответствовать преподаватель гимназии второй половины XIX века: как воспитатель элитной группы русского общества, как высококвалифицированный преподаватель, как государственный чиновник. Поэтому от него ожидали широкой образованности, главными критериями которой выступали широта и фундаментальность университетской подготовки, профессионализм, религиозность, политическая благонадежность, преданность престолу, управляемость. Из личностных качеств учителя называли сдержанность, терпение, дружелюбие, честность, правдивость, справедливость, добросовестность, порядочность, уважение личности ребенка, преданность любимому делу.

Литература

Авсеев В.Г. Школьные годы: Отрывки из воспоминаний / В.Г. Авсеев // Исторический вестник. – 1881. – № 4.

Алешинцев П. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв) / И. Алешинцев. – СПб.: О. Богданова, 1912. – 340 с.

⁴⁵ Там же. – С. 619.

⁴⁶ Там же. – С. 47.

⁴⁷ Там же. – С. 50.

⁴⁸ Чехов А.П. Повести и рассказы. – М.: Детская литература, 1972. – 430 с.

- Андряинов А.Ф. Воспоминания старого педагога / А.Ф. Андряинов // Русская старина. – 1911. – Т. 1. – С. 145.
- Белявский А.В. Краткое обозрение истории гимназий в России / А.В. Белявский. – СПб., 1905. – 24 с.
- Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902 / Е.В. Белявский. – М.: Ред. ж. «Вестник воспитания», 1905.
- Благовещенский Н.М. Педагогические заметки. Наши гимназии. Наши университеты / Н.М. Благовещенский. – СПб., 1860. – 20 с.
- Буслаев Ф.И. Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Бр. Салаваевы, 1867.
- Вессель Н.Х. Учебный курс гимназий / Н.Х. Вессель. – СПб., 1866.
- Виноградов И. Школа как воспитательное учреждение / И. Виноградов // Гимназия. – 1888. – № 1–12.
- Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века / Ш.И. Ганелин. – М.-Л.: Учпедгиз, 1954. – 304 с.
- Григорьев С. Средняя школа по нашим законам: Истор. очерк / С. Григорьев. – СПб., 1900. – 96 с.
- Диттес Ф. Очерк практической педагогики. Очерк для педагогических курсов и учительских семинарий / Ф. Диттес. – СПб.: Столичная тип., 1900.
- Ельницкий К.В. Курс дидактики. Пособие для учебных заведений, в которых преподается педагогика / К.В. Ельницкий // СПб.: Семья и школа. – СПб., 1880.
- Журнал Министерства народного просвещения. – 1850. – Ч. 66. – № 4. – Отд. 1. Высочайшие повеления.
- Земцев В. Письмо министру народного просвещения гр. Толстому от Василия Земцева (о классическом образовании) / В. Земцев. – Б. м., 1876. – 32 с.
- К вопросу об обременении непосильными работами учащихся средних школ // Педагогическая хроника. Прилож. к ж. «Семья и школа». – 1879. – № 10.
- Каптерев П.Ф. Педагогическая психология для народных учителей, воспитательниц и воспитателей / П.Ф. Каптерев. – СПб.: Тип. А.М. Катомина, 1876.
- Кирпичников А.П. К вопросу о подготовке учителей (Из личных воспоминаний) / А.П. Кирпичников // Русская школа. – 1899. – № 2.
- Клоссовский А. Материалы к вопросу о постановке среднего образования в России / А. Клоссовский. – Одесса: Экономич. тип., 1904. – 52 с.
- Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г.) / Н.А. Константинов. – М., 1956. – 247 с.
- Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1954. – Т. 5.
- Краткие указания для готовящихся к преподавательской деятельности. Сост. членами Испыт. комиссии при Управлении Рижским учебным округом. – Вып. 1. – Казань: Типо-лит. Имп. Университета, 1896.
- Кузьменко Д.П. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг / Д.П. Кузьменко. – Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1904.
- Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был: Записки и дневники. – Т. 1–3. 1826–1877 / А.В. Никитенко. – СПб., 1893.
- Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Сенатская тип., 1905.
- Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф.Ф. Фидлер. – М., 1911.
- Полевой П.Н. Два педагога: Из школьных воспоминаний / П.Н. Полевой // Исторический вестник. – 1892. – Т. 50. № 12.
- Полевой П.Н. Мои педагогические разочарования (1866–1868). (Отрывок из воспоминаний) / П.Н. Полевой // Исторический вестник. – 1898. – Т. 74. – № 10. – С. 617–629.
- Положение о педагогических курсах при русских университетах. – М., 1960.
- Речи и статьи гр. Д.А. Толстого. – СПб., 1876.

Робер А.И. Коренной недостаток средних учебных заведений / А.И. Робер // Русский вестник. – 1859, октябрь.

Родевич М.В. Единица. (Из воспоминаний учителя) / М.В. Родевич // Нива. – 1891. – № 0.

Родевич М.В. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / М.В. Родевич. – СПб.: Тип. д-ра М.А. Хана, 1884. – 345 с.

Руководство учителям первого и второго классов начальных училищ Российской Империи, изданное по Высочайшему повелению царствующей Имп. Екатерины II. – СПб.: Тип. Шнора, 1793.

Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874.

Сборник постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1883. – № 212.

Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 481 с.

Стулли Ф.С. Полвека тому назад. (Из воспоминаний Ф.С. Стулли) / Ф.С. Стулли. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1900. – 54 с.

Учитель гимназии // Педагогическое обозрение при Циркуляре Московского учебного округа. – 1869. – № 1.

Цветаева А.И. Воспоминания / А.И. Цветаева – М.: Сов. писатель, 1983. – 767 с.

Чехов А.П. Повести и рассказы / А.П. Чехов. – М.: Детская литература, 1972. – 430 с.

Шмидт Г.К. История средних учебных заведений в России / Г.К. Шмидт. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. – 684 с.